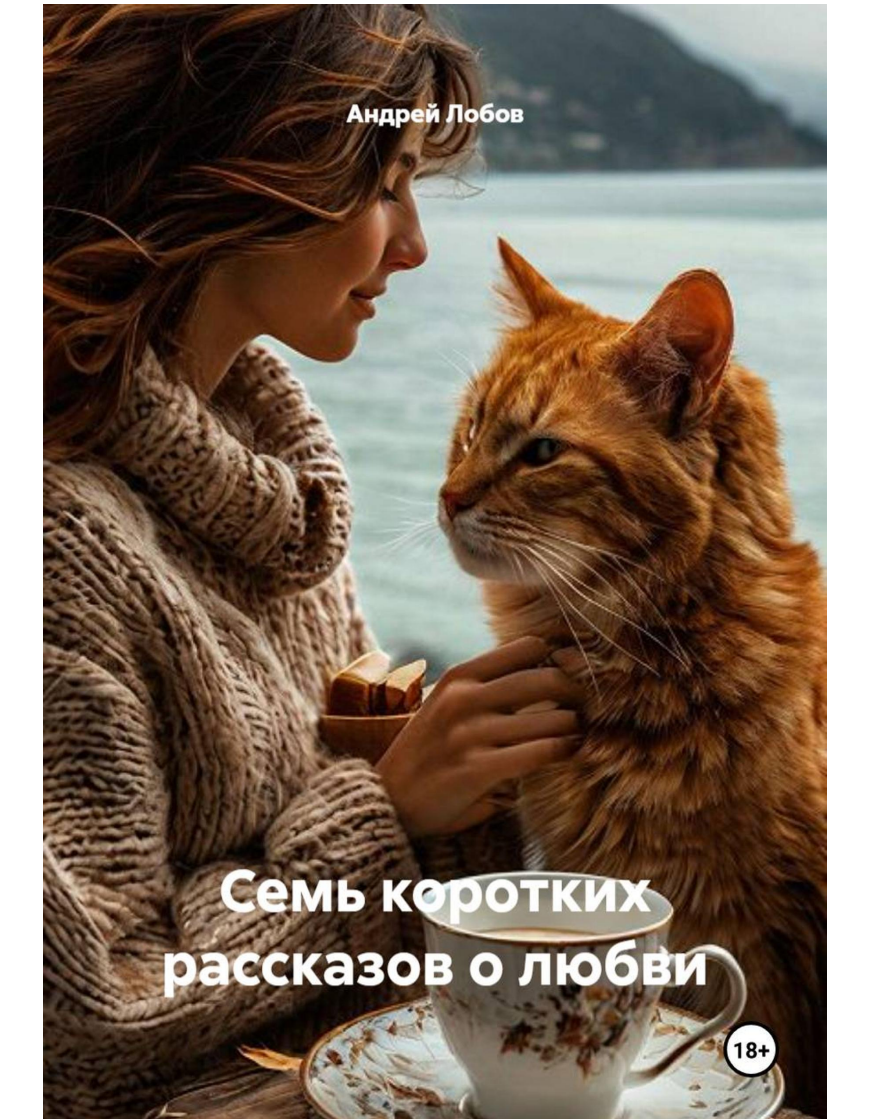


A woman with long brown hair, wearing a thick, textured beige knit sweater, is shown in profile, looking towards a ginger cat. The cat is sitting and looking back at her. They are positioned near a body of water, with a hazy mountain in the background. In the foreground, there is a white cup with a floral pattern on a matching saucer, and a small wooden bowl containing some food. The overall mood is warm and intimate.

Андрей Лобов

**Семь коротких
рассказов о любви**

18+

Андрей Лобов

Семь коротких рассказов о любви

<https://litres.ru/74158948>

SelfPub; 2026

Аннотация

Какая она, любовь? Она бывает разная. Любовь к женщине, коту и кофе. К месту, где живешь, к морю и горам. И к людям, которые тебя окружают. В целом, это можно назвать любовью к жизни.

Содержание

Глава 1. Ода моему коту	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Андрей Лобов

Семь коротких рассказов о любви

Глава 1. Ода моему коту

Когда ты бесшумно выходишь из спальни и усаживаешься напротив, я всегда обращаю на тебя внимание. Круглые глаза смотрят оценивающим, и, одновременно, вопрошающим взглядом, твоя серьезность делает его как будто проницательным, понимающим мою сущность, поведение и выгоды, которые можно из этого извлечь, будто бы ты давно уже раскусил меня, как опытный фрейдист, мои мотивы и истоки рефлексии. Мохнатый критик мой, насмешник толстопузый.

«Ну, что, уже подтягиваешься к ужину? Не рановато ли?» — задаю риторический вопрос, глядя прямо в глаза. «Мяк». Короткий, но полный ответ на все вопросы. Знаешь своё время, но приходишь всегда на четверть часа раньше положенного. Диета, дружок, извини, все по расписанию, когда, чего, сколько. «Жди, родной мой, еще пятнадцать минут нужно подождать». «Мяк! — и с глаз долой, за диван досиживать на коврик терпеливо, чтобы, дождавшись времени, прибежать на кухню и начать весело похрустывать маленькими пахну-

щами кружочками, а потом сыто облизываться, умываться, забыв про окружающих. А потом опять подойти к своей миске и громко требовать потрясти ее, собрав в кучу остатки, мол, следующая подача блюд, под моё недовольное ворчание, не кот, а Вильгельм Оранский какой-то, мало того, что орёт, так ещё и ведет себя как представитель королевского рода. Но уже опять хруст, облизывание, умывание, как будто традиция, заведенная у твоих собратьев сотни, тысячи лет назад, должна соблюдаться и сейчас неукоснительно, по определенным алгоритмам.

Потом можно развалиться в кресле спокойно и сыто, практически с сигарой и бренди, устроить себе неторопливую языковую ванну, омыв себя с головы до ног и задремать, положив голову на могучие лапы. Только уши, как выставленные дозорные на стенах, остаются недремлющими, двигаясь тихо как локаторы и сканируя окружающие звуки на предмет их подозрительности.

Ты спокоен, и мы спокойны. Но стоит только какому-нибудь нубийскому бесу вселиться в тебя, как ты превращаешься в ходячее стихийное бедствие, мяуканье, беготня по квартире с риском столкновения с мебелью и дверями, попытки раздиранья диванов и ковров подстриженными когтями, отчего ткань не трещит, а шуршит, и опять мяуканье, а временами и рычание «это вот не домашняя кошка», говорю я Элене, «это камышового кота подсунули какого-то», а ты, как будто услышав это, удваиваешь свою энергию хаоса

на какое-то время, и вдруг, как по команде бешенство сменяется умиротворением, ты не спеша идешь пить воду, хоть пьешь ее жадно, как пиво в жаркий день, а дальше — покой дорогой.

Что это было, неуёмное ты животное, что за страстная попытка самовыражения, что за anarchy in the UK, бессмысленная и беспощадная! Я выговариваю тебе, смотрящему так, словно это тебя не касается: «нормальные котэусы так себя, да, да, не ведут, не отворачивайся, пожалуйста, и ты, после всего этого, не величайший из котов, а всего лишь выдающийся, да и только». Ты делаешь вид, что не понимаешь моих слов, понимаешь только, что выговаривают, а за что, не понятно, у вас нет доказательств, и, вообще, кот – древнее и неприкосновенное животное, а я с примусом, ну, и так далее, тому подобное.

Когда ты залезаешь мне, лежащему, на грудь всеми весомыми килограммами и требуешь хотя бы ласкового слова, а не только поскрёбывания горлышка, скул и ушей, я лежу смиренно и ласкаю тебя всеми «пятью проворными кинжалами», то одной рукой, то другой, и твое негромкое горловое пение служит мне наградой за мои труды, и мнится мне, что мы с тобой одной крови, ты и я, что я твой любимый хозяин, друг и брат на веки вечные. Но что-то в твоей голове вдруг меняет твои планы, ты встаёшь на мне и прыгиваешь на пол, все, миссия закончена, человек повержен, контрибуция в виде почесывания получена, можно и своими делами

заняться, а то, что кто-то любит это ушастое создание, ну, так это само собой разумеющееся. Тогда я повторяю себе в очередной раз, почти как по Эпикуру: не жди от котов благодарности, и не огорчайся, если они тебя не благодарят.

«А не посмотреть ли нам, мой дорогой, как дела у Хиггинса?», спрашиваю я тебя ненароком, устраиваясь на диван и нацеливая пульт на заветный прямоугольник, и мы переносимся в мир снукерного волшебства, наблюдая за катящимися шарами и мастерством игроков. Подглядывая искоса за тобой, я начинаю думать, что ты тоже внимательно ведешь подсчет очков и отмечаешь эстетику поставленных снукеров, а не просто следишь за шарами, внедренное на Землю инопланетное существо, всё понимающее, но не выдавшее себя за двенадцать лет ни разу.

Ты смотришь со мной сериалы, «Игру престолов», к примеру, или «Королевство», зажмуриваясь и зевая в самых тревожных или непристойных местах, слушаешь «Стену» или «цеппелинов», свернувшись клубком, чтобы закрыть все свои уши, но вот читать ты не любишь, неграмотный мой котэ, ни разу не видел тебя за чтением книг или новостей в Телеграме, хотя какие новости может волновать такого отъявленного эгоцентриста, как ты, уверенного, что Земля, Луна, и, возможно, Солнце, вертится по заданной тобой орбите, проще говоря, вокруг тебя, что мир не плоский, не круглый, но такой, каким ты его видишь вокруг, а новые звуки и предметы должны быть немедленно исследованы. И я не сдержи-

ваю улыбку при виде тебя, любопытного и осторожного, вытягивающего шею, заглядывающего на балкон, прежде чем тихо выйти и определить источник нестандартных звуков с расположенной неподалеку стройки.

Вечером, когда все дома и заняты своим досугом, книгами, новостными лентами или телевизором, у тебя самый безмятежный сон. Ты можешь спать на спине, раскинув лапы и не беспокоясь, что кто-то прихватит тебя за мохнатый живот, ведь рядом Те, кто несет ответственность за тех, кого приручили, проверенные, ведь ни разу ежедневный, вернее, ежевечерний сон не был прерван каким-либо происшествием. Позы сна становятся все смешней и смешней, и, глядя на чудо чудесное, я поневоле забываю о твоих утренних побудках всей семьи, когда ты, животное, выспавшись вечером и ночью, начинаешь действительно подмякивать, требовать завтрак, наплевав на то, что ещё ранее утро, и нам хочется спать «Вы несете ответственность за меня, прирученного, поэтому вставайте и кормите, можете не просыпаться при этом», требуешь ты, и я встаю и бреду полусонный на кухню, шикая на тебя и имея иногда вполне определенные желания прибить некое существо, пусть и имеющее божественное египетское происхождение. Ты не успокаиваешься, пока мы все не умоемся и позавтракаем, после чего спокойно устраиваешься на своем коврикe, на своих, как говорится, полутора метрах, и занимаешься созерцанием мира

Иногда я задумываюсь о несправедливости мира: почему

ты, тоже вполне приручивший нас, не несешь при этом за нас никакой ответственности, но никто не ответит мне на этот вопрос, ни я сам, ни ты, ни Сент-Экзюпери.

2. Кали, кали, эмакуме! ¹

«Я люблю тебя, слышишь?» — «Слышу»,

«Я люблю тебя, видишь? — „Вижу“,

«Я люблю тебя, знаешь?» — «Знаю, милый».

Аркадий с Эленой любили прогуляться по городу, особенно в солнечные дни, не важно, где, можно было пойти на озеро неподалеку от дома, покормить уток, и потом вдруг оказаться на приморском бульваре, в магическом лабиринте, как его называл Аркадий. Приятно было бродить его тенистыми аллеями, взявшись за руки, поглядывая на стриженные вечнозеленые деревья с кронами – квадратами, ша-рами.

И можно было съездить в старый город, и там пошататься среди большого скопления туристов узкими улицами, зайти в маленькое милое кафе, чтобы отдохнуть немного и выпить турецкого кофе или чая из стакана-тюльпанчика. Аркадию нравилось гулять здесь, как утверждал он, не нужно и по европам с турциями ездить, все под боком, пусть и немного наивно, как в картинах Пиросмани. Елена спокойно относилась к местной архитектуре, а вот он любил этот провинциальный *casco antiguo*², хоть и не знал, как следует, его историю, ему нравилось, что во время прогулок их могли под-

ждать небольшие удивительные открытия: старая мозаика на стене дома, ранее не замеченная, небольшая церквушка с потемневшими камнями, придававшими ей древний загадочный вид, и то тут, то там, цветочные аллеи, красные, розовые, желтые, любовно высаженные чьими-то умелыми руками.

Так вот они и ходили, взявшись за руки, а иногда Елена могла сказать, давай поцелуемся, и они целовались коротко, прямо на улице среди цветов, он, может быть, и чувствовал какую-то неловкость, вроде бы возраст неподходящий, далеко уже старше среднего, ну и что такого, удивлялась она, все прилично, как-то раз встретили соседку, почти ровесницу, недалеко от дома, насмешливо посмотрела, все вместе ходите, гуляете, показалось, зависть промелькнула в глазах, невинно улыбнулись в ответ, погода хорошая, солнышко, надо пошататься, а то, дожди затянут, не разгуляешься, Аркадий успел ее оглядеть, как ему казалось, незаметно, стройненькая, все остальное, прическа короткая, мальчишеская, глаза от улыбки сузились, похожа на кошечку, а муж молчалив, сдержан, редко улыбается, с соседями хоть и ладили, но друзьями не были и вместе ничего не праздновали, как-то не сложилось.

Вообще праздновать так, как хотелось, получалось только вдвоем, даже с детьми и родителями уже было не то, Аркадий часто размышлял на эту тему, такое чувство, что никто не нужен больше, хотя своих детей любил, по разному, ко-

нечно, дочь уже самостоятельная, взрослая, никогда не мешал самостоятельности, хоть, и бывало, ругались из-за какой-нибудь ерунды, какой-то знакомый сказал, наестся самостоятельности, вырастет, поймет, что к чему, и отношения выстроятся. С младшим не так, хотелось передать ему что-то небольшое хорошее, что было, но и он уже шел своим жизненным путем, однажды как-то неожиданно повзрослел, стал понимать «элементарные вещи», стало проглядывать любопытство жизни, но появилась задумчивость.

Наверное, они были немножко одиноки, будучи особенно нужными только друг другу, вдвоем можно было молчать подолгу, и эти паузы не были неловкими, были прелюдиями к последующим разговорам, темы которых приходили в голову одновременно, и вопросы, если они были, и ответы тоже приходили одновременно, за границей эти неспешные, с паузами, беседы резко контрастировали где-нибудь в кафе с оживленными разговорами иностранцев и их жизнерадостным смехом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.